

ГЛАВА 2

КОГДА
НЕ ВСЕ ДОМА

В комнате было тихо, лишь сонно тикали каминные часы.

Виктор Кэндл сидел на краю кровати и безучастно смотрел в окно на медленно проезжающие мимо бурые машины, на порой появляющихся велосипедистов и редких прохожих. За окном все растворилось в серости: небо и улочка, дома и почтовые ящики. Даже сама жизнь, словно устав от пестрых нарядов, казалось, надела на себя неказистый мышинный плащ.

Монотонность снаружи лишь усугубляла спотворность темной комнаты. Виктор и сам напоминал сейчас одну из множества затавившихся по углам теней. Сутулую и понурую засыпающую тень, которая вот-вот широко зевнет и опустится на кровать, если ничего вдруг не...

На противоположной стороне улицы остановилась стройная женщина в рыжем пальто. Она поглядела на него. Сонливость как рукой сняло. Виктор вздрогнул.

Саша?!

Он моргнул. На том месте, где, как ему казалось, стояла Саша, никого не было — лишь осенние листья, взметенные порывом ветра, носились по тротуару.

«Ты видишь то, что хочешь видеть...»

Виктор вздохнул.

Внутри у него было пусто, словно в выеденной ложечкой консервной банке. Он так боялся своего возвращения, столько думал о том, что его ждет, что, когда, по сути, ничего не произошло, в нем попросту ничего не осталось...

Тревог и страхов больше не было, но их место никто не занял. Ожидание, которым он жил с момента, как получил письмо, все заготовленные им слова и оправдания... они больше ничего не значили.

Он снова в этом доме. Снова в своей комнате. А за окном — хмурая осень. И тихо... так усыпляюще тихо...

— *Гррых-дамнаих*, — раздался хриплый шепот за спиной.

От неожиданности Виктор дернулся и обернулся. Бросил взгляд на дверь — та, как и прежде, была закрыта.

В первый миг Виктор решил, что кто-то вошел в комнату и подкрался к нему, но он по-прежнему был здесь один. Тогда кто же это шептал?!

Виктор вслушивался. Он так сосредоточился, пытаясь снова уловить этот шепот, что не замечал ничего кругом. Ни того, что тени углубились, налившись чернотой, ни поселившегося вдруг в комнате запаха свежего осеннего ливня, ни того, что часы на каминной полке больше не тикают.

«Мне же не послышалось?» — пронеслось в голове.

С каждым утекающим мгновением уверенности в том, что не послышалось, становилось все меньше. Что-то внутри настойчиво твердило: «Здесь никого нет. В комнате только ты. В комнате... в комнате...»

А что если тот, кто шептал, вовсе и не в комнате?

Поднявшись на ноги, Виктор осторожно подошел к двери, чуть приоткрыл ее и выглянул в коридор. Коридор темнел...

Никого не увидев, Виктор вздохнул и покачал головой.

«Что и требовалось доказать, — подумал он, закрыв дверь. — Уже мерещится невесть что. Сперва она, стоящая на улице, теперь вот...»

— Проклятая *кейлек*, — раздавшийся вновь шепот тут же пресек эту мысль.

— Кто здесь? — спросил Виктор у своей комнаты.

Комната немного помолчала, будто бы обдумывая ответ.

— Проклятая *кейлек*, — повторил голос, и на этот раз Виктор уловил в нем бесконечную тоску — обладатель голоса о чем-то сожалел, как может сожалеть лишь тот, кто совершил роковую ошибку. — Заманила... Заманила... Я выпью твои глаза, проклятая *кейлек*. Я выпью их, как сырые вороньи яйца.

Шепот, казалось, звучал из камина, и Виктор на мгновение вроде бы даже увидел в его глубине сгорбленную фигуру.

Виктор проглотил вставший в горле ком и двинулся к камину. Приблизившись, он со смесью облегчения и разочарования увидел, что фигура в выложенной кирпичом черной утробе — это всего лишь причудливая тень от покрытой сажей решетки и стойки с кочергой.

— Где вы? — спросил Виктор, развернувшись и вновь окинув комнату быстрым взглядом. — Что вам нужно?

— Проклятая *кейлек*, — ответил голос. — Проклятая *кейлек*. Пусть выпадут все твои огненные волосы и свечные зубы. Из волос я сделаю себе шарф, а из зубов — серьги. Проклятая *кейлек*...

Голос, судя по всему, говорил сам с собой. И шел он совершенно точно не из камина. В призраков Виктор не верил, но этот дом... да, этот дом был таким старым и мрачным, что здесь могло поселиться что угодно. Когда Виктор был маленьким, ему порой казалось, будто за ним по пятам кто-то ходит, — притом что ходить было некому. Сами собой скрипели половицы, открывались и закрывались двери. Окно в комнате, хоть и должно было быть заперто, имело скверную привычку вдруг распахиваться. Особняк Кэндлов жил своей жизнью...

И все же прежде Виктор никогда не слышал, чтобы по дому бродил ничейный, отделившийся от хозяина, голос. А между тем шепот этот, как ни странно, его не пугал — он просто хотел разобраться, в чем тут дело.

«Всему этому есть логичное объяснение, — заверил себя Виктор. — Его просто не может не быть...»

Застыв посреди комнаты, он спросил:

— Вы еще здесь?

— *Кейлек*... — сказал голос.

Виктор никак не мог взять в толк: то ли это имя, то ли всего лишь слово на незнакомом языке. Но то, что за ним кроется нечто важное, он уже догадался, учитывая, сколько раз оно было произнесено.

«Нужно... нет, я просто обязан записать его!»

Виктор бросился к саквояжу и достал оттуда рабочую тетрадь, чернильницу и ручку.

«*Кейлек*», — нацарапал он, а голос тем временем продолжал:

— Я сбежал от *келлах*, чтобы попасться в лапы к *кейлех*.

Виктор записал в тетради новое незнакомое слово и повернулся к камину. Ему снова почудилось, будто шепот раздается из него. Но он же буквально только что проверил: там никого нет!

— *Келлах* страшна, а я глупец.

Взгляд Виктора сполз с камина на стоявший рядом с ним старый комод темного дерева с фигурными медными ручками и резными львиными ножками.

«Гм...»

Он положил тетрадь и ручку, подошел к комоду и, затаив дыхание, распахнул дверцы. Если не считать постельного белья и пропахших нафталином занавесок, в комодe ничего не было. Разве что в уголке приютилась катушка алых ниток.

— Эй! Вы здесь?

В ответ тишина. Голос будто устал жаловаться.

Виктор ждал, но ничего не происходило. А любопытство меж тем все растекалось по его телу.

— Это не очень вежливо, знаете ли! Вот так заинтриговать, а потом взять и замолчать!

Всем было плевать на его чувства. Голос не отвечал.

Виктору стало обидно...

Тайна странного голоса вывела его из оцепенения, оборвала тяжелые мысли и заставила подняться на ноги. И что теперь? Ему предлагается просто все забыть? Нет уж, он не может бросить эту тайну на полпути, так ничего и не узнав! Он должен все выяснить!

Виктор решил рискнуть.

— Кейлех? — спросил он, засунув голову в комод.

— Проклятая *кейлех*... — раздалось вновь.

Виктор так обрадовался, что резко распрямылся, позабыв, что голова его в ящике. Больно стукнувшись, он извлек себя из комода.

Потерев макушку, Виктор еще раз произнес незнакомое слово, и незримый собеседник повторил свой предыдущий ответ. После чего смолк. Виктор понял: обладатель голоса слышит его, но говорит вовсе не с ним, а сам с собой.

Незнакомец заговорил снова, и на этот раз он соизволил сказать что-то новенькое:

— Нужно было бежать на *кладах муир*. Как я мог поверить, что холмы мне помогут?

Голос раздавался очень близко. Виктор отодвинул стоявшую на комоде вазу с давно завядшим сухим чертополохом. Ага, вот оно!

В стене за вазой обнаружилась небольшая кованая решетка: то ли воздуховод, то ли остаток древней печи. Он не помнил, была ли эта решетка тут раньше... Виктор схватил ручку и, торопливо макнув перо в чернильницу, записал новые слова.

— Кладах муир, — пробубнил он себе под нос, выводя буквы в тетради.

— *Муир* — сыто и голодно в одно и то же время, — сообщил голос, чем доказал теорию Виктора. Обе теории: незнакомец реагировал, но продолжал говорить сам с собой, и его шепот звучал из-за решетки. — Оно пожирает и выплевывает. *Кейлех* заманила *Иарран Ри*, предложив *фион* и *фоскадх*. *Фоскадх*. *Фоскадх*. Здесь нет *фоскадх*. Здесь лишь *мбраих-денаис*. Унижение и позор для *Иарран Ри*.

Виктор записал незнакомые слова, и вдруг его посетила мысль: «Постой-ка! Неужели это только что прозвучало твое имя?»

— Эй! — позвал он, приблизив губы прямо к решетке. — Вы там? Вы слышите меня? *Иарран Ри*?

— *Иарран Ри* попался, как глупый кролик, в силки *шиннах*. *Кейлех* поймала *Иарран Ри*.

Виктор понял: решетка и воздуховод за ней ведут в соседнюю комнату.

— Погодите, я сейчас!

Он шагнул к двери, застыл на секунду у порога (не произнесет ли голос что-нибудь еще?), после чего поспешно вышел в коридор. С его комнатой соседствовала гостевая спальня.

«Эх, — с грустью подумал Виктор. — Вот и вся тайна... За стенкой просто остановился кто-то из гостей, приехавших к празднику...»

И тем не менее нельзя же просто развернуться и уйти — нужно хотя бы сказать этому гостю, что его голос слышен в соседней

комнате, а заодно... может, удастся узнать, о чем он там шепчет? И что за «кейлех»?

Виктор закусил губу и постучал в дверь. Никакого ответа. Виктор постучал снова. Все то же.

«Что делать? Вряд ли жилец гостевой комнаты обрадуется, если к нему кто-то неожиданно ввалится...»

Неожиданно Виктору вспомнились слова его шефа, господина редактора: «Настырность, настырность и еще раз настырность, Кэндл! Если ты будешь топтаться за дверью, то никогда не узнаешь ничего важного. Учись игнорировать чью-то там приватность, а еще — уклоняться от летящих в тебя башмаков...»

Виктор повернул ручку и приоткрыл дверь.

Комната встретила его пустотой и тишиной. Стоявшая там мебель пряталась под серыми чехлами, а кровать выставляла на обозрение голую полосатую перину, отбивая любое желание прилечь. Картины и зеркала на стенах были завешены, в углу угрюмо примостились скатанные в рулоны ковры. Заклеенное старыми газетами окно почти не пропускало света, но и так было видно, что в комнате все покрыто пылью, а квартируют в ней лишь дохлые мухи...

Но как же голос? Как же человек, шептавший из-за стены? Он должен быть здесь! Больше ему просто негде быть! Не живет же он в стене, в самом деле!

Виктор с разочарованием и мыслью «А на что ты надеялся? На приятную беседу?» закрыл дверь и уже собрался было вернуться к себе, когда из гостевой комнаты раздалось тоскливое:

— У *Иарран Ри* не было шансов. *Даур* не прорастет, пока его корни точит жаба. Пока из его ветвей *кейлех* вырезает метловище. Но в ночь, когда крона сплетется, *Иарран Ри* сбежит.

Виктор распахнул дверь. Все было по-прежнему. Никого.

— Что за шутки? *Иарран Ри*?

Комната не ответила.

— *Иарран Ри*? Где вы?

Голос смолк окончательно, и сколько Виктор ни пытался его спро-
воцировать на хоть какой-то ответ, так ничего и не добился.

Немного постояв на пороге, он вернулся в собственную комнату. Закрыв дверь спальни, Виктор сел на краешек кровати и принялся писать. Репортерская привычка все записывать не оставляла Виктора Кэндла и в родном доме. С чернильной ручкой в руке ему всегда думалось как-то легче, лихорадочные и сумбурные мысли замедляли свой бег и упорядочивались, а любые странности, оказываясь на бумаге, вроде как становились почти-почти понятными. Он надеялся, что и сейчас хоть что-то да прояснится.

Виктор записывал все, что услышал, время от времени замирая и бросая любопытные взгляды на решетку над комодом. Тайна непонятого шепота затянула его с головой. На какое-то время он и думать забыл о том, где находится и что его сюда привело...

Поскрипывало перо ручки, на каминной полке вновь тикали часы. А за окном ветер носил по улочке опавшие листья. На своем скрипучем велосипеде с корзинкой, полной позвякивающих бутылок, проехал старый молочник. Он покосился на затянутый плющом дом и поморщился. По другой стороне улицы прошел долговязый почтальон с сумкой на ремне. Он засунул в почтовый ящик Барнсов письмо, после чего достал из кармана шинели носовой платок и шумно высморкался. Глянул в платок — а там угольная пыль.

— Ну вот, опять... — раздраженно пробормотал почтальон и направился дальше.

Сонная улочка снова опустела, немного посопела дымом из каминной трубы дома Кэндлов и перевернулась на другой бок высыпать.

Меж старых сморщенных вязов разгуливал ветер. В парке было холодно и сыро, но Томми Кэндл этого не замечал. Он прятался за деревом и во все глаза глядел на возню у главного входа школы имени Губерта Мола. Последние ученики забирались в чрево ржавого желтого автобуса.

Когда внутрь, едва не застряв в дверях, протиснулся Тролль Бэрри, раздался знакомый хриплый голос:

— Все на месте?

Ему что-то ответили, и обладатель голоса рявкнул:

— Трогай, Уирджил!

Отвечал за посадку учеников и порядок в салоне школьного автобуса, естественно, мистер Грокх, отчего поездка редко когда бывала приятной.

Обычно Томми и Чарли устраивались на заднем сиденье, где всю дорогу строили планы и придумывали себе новые приключения, но сегодня у них были дела поважнее. Так что у юного Томаса Кэндла даже на миг не закралось мысли возвращаться домой в обществе двух дюжин надоевших ему еще за время занятий мальчишек и девчонок, а также злобного старика, который обычно так задымляет салон автобуса своей трубкой, что хочется кашлять, чихать и плакать.

Увидев, как желтая громадина, скрежеща и скрипя колесами, отходит от здания школы, Томми с облегчением вздохнул и улыбнулся. Ему все же удалось ускользнуть — старый хмырь его не заметил...

Томми немного выждал, пока автобус отъедет на достаточное расстояние, а затем выбрался из-за дерева и побрел вглубь парка. Не останавливаясь, он пнул ворох опавших листьев. Листья, желтые, красные и огненно-рыжие, разлетелись в стороны, вспорхнув причудливыми осенними птицами, пару мгновений покружились в воздухе, а после опали обратно на землю. Мисс Мэри как-то говорила, что эти листья...

Томми вздрогнул. Крепче сжав в руке книгу в пурпурном переплете, он обернулся. Сквозь путаные черные кроны вдали можно было разглядеть школьные башенки. В окнах кабинета истории свет не горел.

То, что там произошло, было очень странно. Мисс Мэри вообще сегодня была очень странной... Сперва она посреди урока накинута на учеников, чего за ней никогда не водилось, — она же не мисс Саметри, в самом деле. Потом рассказала эту жуткую историю о Джеке-Фонаре. А затем... предупредила его о Человеке в зеленом.

Кого она имела в виду? Дьявола из своей истории? Вероятно. Но что она подразумевала, сообщив Томми, что ему угрожает опасность? А может, она просто решила напугать его в духе праздника?

Томми не мог понять этих взрослых. Ни мисс Мэри, ни Дьявола. Что Дьяволу может от него понадобиться? Мама говорила, что Дьяволу нет никакого дела до детей — что он слишком занят, забавляясь с умами грешников и церковных фанатиков.

История о Человеке в зеленом и без того была жуткой, но то, что он, видите ли, уже в городе, и вовсе пугало до дрожи. Вот и сейчас, стоило Томми вспомнить об этом, как ему тут же стало не по себе. Он вдруг отчетливо представил, как высокий незнакомец, от которого веет смертью, бродит по улочкам Уэлихолна, стучит в двери домов и спрашивает: «Вы не видели Томаса Кэндла? Он должен мне жизнь». Человек в зеленом все выпытывает у них, где можно найти Томми, подходит к прохожим и каждому задает свой вопрос. Кто-то точно скажет ему, где Томми живет или учится. Человек в зеленом вот-вот найдет его и... а может, он его уже нашел? Может, он где-то рядом?! Может, даже здесь, в этом парке?!

Томми поехал и огляделся по сторонам, ожидая увидеть за одним из деревьев таинственного незнакомца в зеленом костюме и с тенью вместо лица. Бр-р-р...

Где-то совсем рядом каркнула ворона. Это произошло так неожиданно, что Томми даже дернулся.

Почувствовав себя глупо, мальчик нагнулся и поднял с земли камешек, после чего глянул вверх, выискивая птицу в кронах, но та, словно почуяв неладное, быстро умолкла, по-видимому опасаясь за свою пернатую шкуру.

— То-то же, — назидательно пробормотал Томми и, размахнувшись, швырнул камешек. Тот угодил в разлапистый ствол ближайшего вяза и отскочил, зарывшись в палую листву.

Откуда-то сверху тут же раздалось наглое и насмешливое «Крра-а-аэ!» — ворона будто хихикала, и Томми успел пожалеть о столь поспешно выброшенной камешке. Он тут же наклонился в поисках нового, но под ногами их больше не наблюдалось.

— Крра-хр-хр! — каркнула ворона на этот раз уже где-то за спиной, и теперь ее крик был хлюпающим и рваным, словно ее душили.

— Ну и закаркайся себе, — проворчал мальчик и пошагал через парк.

Мысли его снова вернулись к мисс Мэри и ее зловещему предупреждению. Томми повернул голову — окно кабинета истории за ветвями уже было не разобрать.

«Все это очень похоже на какую-то тайну, — думал мальчик. — Нужно было сразу же обо всем ее расспросить. И почему я не догадался?!»

Томми так задумался и так засмотрелся на едва проглядывающее за деревьями здание школы, что не заметил, как у него на пути кто-то появился.

— Ой-ой! Простите! — в первый момент выпалил мальчик, натолкнувшись на этого кого-то, и только потом вздрогнул: вдруг это Человек в зеленом?!

К облегчению Томми, перед ним стоял вовсе не вышедший прямиком из истории учительницы оживший вдруг персонаж. Это была высокая и тонкая, как жердь, женщина в покоем на трубу, застегнутом на все пуговицы коричневом пальто. Неухаженные путаные волосы незнакомки торчали во все стороны, вокруг ее шеи был намотан очень грязный дырявый шарф. В руках женщина держала метлу и, вода ею по земле из стороны в сторону, проворно разгребала листья.

«И откуда она только здесь взялась?» — подумал мальчик.

— Смотри, куда идешь, негодник, — не прекращая мести, грубо прокричала женщина сиплым, простуженным голосом. Она и в целом выглядела довольно болезненно: узкое лицо дворничихи было невероятно бледным, тяжелые веки сонливо наваливались на глаза, а нос покраснелся. — Или ты настолько увлекся швырянием камней в моих ворон, что ничего кругом не замечаешь?

— Вообще-то я не попал ни в одну, — справедливости ради заметил Томми, отпрыгнув на шаг назад, чтобы не быть подметенным.

— Но ведь собирался, а? — хмуро произнесла женщина, не поднимая головы и шаркая метлой по земле. — А между тем на улице все еще осень. Нельзя охотиться на ворон осенью — плохая примета.

— Э-э-э... простите, мэм...

Чем больше Томми всматривался в лицо этой женщины, тем более молодой она ему казалась. А ведь поначалу он принял ее чуть ли

не за старуху! Наверное, виной всему были сутулость и дерганность дворничихи — она дрожала и трясла головой совершенно по-старушечьи.

Женщина проигнорировала извинения, продолжая орудовать метлой. И только сейчас мальчик заметил длинный вороний хвост — пучок черных перьев торчал из кармана ее пальто.

— А вы не боитесь примет? — поинтересовался он.

— Каких таких примет? — спросила дворничиха, по-прежнему не глядя на Томми.

— Что плохо охотиться на ворон осенью.

— Не слыхала такой приметы.

Томми недоуменно на нее вытаращился.

— Но вы ведь только что сами сказали...

— Да, да, мети, — перебила дворничиха. — Мети-мети... Детский язык — что метла. Думаешь меня заболтать, но не выйдет... Мисс Брум знает, что тебя тут не должно быть... Мальчишки любят сбегать, прятаться за деревьями и охотиться на ворон. Чего они не любят — так это ехать домой, когда уроки заканчиваются...

«Кажется, она знает, что я должен быть в автобусе со всеми, — с тревогой подумал Томми. — Ох и влетит же, если она пожалуется...»

— У меня еще полным-полно дел! — тем не менее твердо сказал он. — И меня ждет мой друг Чарли. Мы с ним договорились встретиться здесь. Вы, кстати, его не видели?

— Шустрый пугливый негодник в синем пальто и вязаной шапке с кисточкой? — Дворничиха довольно точно описала Чарли Уиллинга, разве что «пугливым» Томми друга бы не назвал. — Не припомню. Впрочем, глаза могли меня подвести — слишком много развелось в округе мальчишек, которых здесь не должно быть.

— Так видели или нет? — уточнил Томми. — Я так и не понял.

— Видела. Но не его, должно быть, — очень странно ответила женщина, затем вдруг уперла в землю метлу, облокотилась на нее и, прищурившись, посмотрела на Томми. — А вот тебе, маленький Кэндл, вместо того чтобы шляться неизвестно где и заниматься не пойми чем в компании подозрительных личностей, не пора ли уже быть дома и читать свои перевернутые кверху ногами книжки?

— Что-что? Книжки? — Томми опешил от такого поворота в разговоре. Она назвала его «Кэндл»? Откуда она его знает? Кто она вообще такая, эта мисс Брум? И еще кое-что... — Откуда вы знаете про Виктора?

Виктор... Старший брат Томми жил в Лондоне и работал — страшно сказать кем! — репортером! Мама всегда произносила это слово с нескрываемым презрением, будто оно было не менее ругательным, чем, например, лоботряс, лжец или ничтожество. Впрочем, зачастую она могла наградить своего старшего сына и гораздо более обидными словами. А тетюшка Мэг и вовсе говорила, что Виктор — сама неблагодарность, поскольку за все эти годы он ни разу их не навестил.

Брат покинул дом так давно, что Томми даже не помнил его лица (все фотографии Виктора мама порвала или сожгла). Но кое-что Томми все же помнил: Виктор был высоким, носил клетчатые штаны и длинный шарф. Он давал Томми конфеты, когда мама или тетки не видели, и шутил о котах, которые спотыкаются на лестницах. А еще у него была очень красивая и очень печальная подруга — Саша. Мама запрещала ему с ней видеться. Томми помнил, что Саша сирота и что от нее пахло шоколадом и сладкими пряностями, потому что она работала в кондитерской. Томми казалось странным, что он всегда вспоминает Сашу, когда думает о Викторе, как будто она неотъемлемая часть его брата.

Но было еще кое-что. То, что Томми не смог бы забыть, даже если бы захотел. Виктор всегда читал книжки кверху ногами — водилась за ним такая странная привычка. Вот только откуда об этом знать какой-то дворничихе?

Мисс Брум уже, казалось, позабыла о его присутствии и вновь принялась мести. Ее движения стали суматошными и нервными. То она взмахивала метлой с каким-то недюжинным ожесточением, то мела еле-еле, лениво, будто засыпая. После чего все повторялось.

— Никогда не ходите по метле, — приговаривала она себе под нос. — Никогда не метите, если в доме — мертвец...

— Откуда вы знаете про Виктора? — повторил вопрос Томми.

— О! Я много чего знаю... И я знаю твою маму — она не слишком была бы рада узнать, что ты бродишь по парку вместо того, чтобы ехать домой в автобусе с прочими детьми. Кыш, кыш! Пошел прочь! — Мисс Брум разогнулась и принялась прогонять его, точно надоевшего приставучего кота, остервенело сметая листья прямо на него. Мальчик поспешил отскочить в сторону. — Ходят тут всякие... Месті мешают...

— Но вы же мне так ничего и не сказали... — начал было Томми, но мисс Брум и не подумала отвечать.

Дворничиха повернулась к нему спиной. Она, казалось, с головой погрузилась в свое дело, и лишь осенние листья разлетались в стороны от движений ее метлы.

Томми показал этой странной мисс Брум язык, пользуясь тем, что она не могла заметить, и зашагал прочь — дальше, вглубь парка.

Не успел мальчик пройти и пары десятков шагов, как с ветки растущего неподалеку вяза спрыгнул обладатель знакомой шапки с кисточкой. Судя по всему, Чарли прятался на дереве все время, что Томми разговаривал с угрюмой дворничихой.

Через плечо на ремне у друга болталась большая, набитая битком сумка, а на руках он держал облезлого и с ног до головы мокрого черного кота, все норовившего вырваться из цепких мальчишечьих пальцев.

— Ну наконец-то! — вместо приветствия обрушился он на Томми. — Кажется, ты совсем не торопился — я тут уже целый час жду!

— Если бы кто-то не сбежал с урока, то и ждать бы не нужно было! — не остался в долгу Томми. — Ну да ладно. Можешь уже перестать дрожать: это была вовсе не мисс Мэри.

— А то я не видел! Что это за старая карга, с которой ты с таким интересом общался?

Чарли поудобнее перехватил свою все еще не смилившуюся с положением пленника ношу, уцепившись коту в шерсть на загривке, чтобы тот поменьше кусался и ерзал. Котьяра ответил яростным и обреченным шипением.

— Старая? Ты где старую тут увидел? Ей лет не больше, чем моей маме.

— Ну, мне отсюда так показалось, — Чарли пожал плечами. — Так кто она такая?

— Наверное, знакомая мамы. Откуда-то меня знает и...

— Она что, произнесла твое имя?! — Чарли выглядел испуганным — он всегда боялся незнакомцев. — Эта стару... эта женщина, она назвала тебя по имени?!

— Не помню, может быть, — соврал Томми. Его самого гораздо больше занимало то, что напоминало намек на брата. Томми намеренно умолчал про Виктора: о нем он вообще никогда ни с кем не говорил. — А что в этом такого?

— Это очень плохо, когда тебя окликают по имени незнакомые люди, — угрожающе зашептал Чарли. — Мама говорит, что это самая жуткая примета из всех, которые она знает... Она велела, чтобы я никогда не заговаривал с незнакомцами и сразу же убежал от тех, кто называет мое имя...

«Что-то многовато этих примет развелось, — подумал Томми, — на ворон не охоться, по метле не ходи, с незнакомцами не заговаривай...»

— Да какая там примета? — раздраженно бросил он. — Я ведь уже сказал: эта мисс Брум, наверное, просто какая-то знакомая мамы. Знаешь, сколько у моей мамы таких вот «знакомых»? Одна страннее другой. Обычно они как раз с приближением Хэллоуина и объявляются. Ладно, не важно. — Он кивнул на кота. — Кто это у тебя?

— Это? — Чарли усмехнулся. — Его зовут Утопленник.

— Мияууу! — поздоровался (или, вернее, пожаловался) кот.

— Я смотрю, ты даром времени не терял. Кстати, неплохое имечко, — похвалил Томми. У Чарли была хорошая фантазия на всякие мрачные и жуткие прозвища: предыдущий пойманный ими котятра с легкой руки друга и вовсе стал Джеком Потрошителем: мол, мышей зубами рвал так, будто тесаком орудовал.

— Этот подлец заставил меня побегать, — сообщил Чарли. — Улепетывал через парк, пока сам же сдуру не рухнул в пруд, — еле его оттуда выловил. Хотя на плаву он держался так себе. Так что теперь он Утопленник.

— Утопленник так Утопленник, — согласился Томми. — Идем скорее, а то меня уже дома ждут.

Двое мальчишек с одним подневольным котом двинулись вглубь парка и вскоре вышли на берег того самого пруда, где недавно осуществил свою неудачную попытку расстаться с жизнью Утопленник. Впрочем, пруд этот был совсем небольшим: с одного берега на другой спокойно можно было забросить камень; по водной глади плавали опавшие листья.

Когда мальчишки вышли на ползущую вдоль высокого берега тропинку, Утопленник испуганно мяукнул, явно подумав, что его вновь решили отправить в «плавание». Но Чарли ласково погладил кота и почесал его за ушами. Тот сразу успокоился — видимо, уяснил, что бросать в воду его никто не собирается.

— Мисс Мэри, кстати, передала тебе книжку. — Томми вспомнил, что до сих пор сжимает в руке «Историю основания королевства Шотландского». — Сказала, чтобы ты за каникулы прочитал ее целиком. И тогда она поставит тебе отметку за триместр. Вот удача! Мне бы так легко! И еще сказала, чтобы ты не жульничал, — она узнает.

— Ясно.

— Сегодня на уроке она рассказала историю про Джека-Фонаря. Чарли это нисколько не впечатлило.

— Ну и что? В Канун все кому не лень рассказывают страшилку про Джека.

— Сразу видно, что ты не знаешь мисс Мэри, — хмыкнул Томми. — Хоть она и твоя какая-то тетка. Стала бы она вспоминать старую страшилку! Нет, она рассказала совсем другую историю, намного более жуткую... А еще мисс Мэри сказала, что Джека на самом деле зовут Джек Мэйби и что он жил в нашем городе. А еще — что якобы это никакая не легенда и все происходило по-настоящему... Как думаешь, зачем она все это понапридумывала?

— Учителя ничего не способны придумать, — сказал Чарли. — Они старые и глупые. И эта твоя мисс Мэри такая же, как и остальные...

Томми с сомнением глянул на друга.

— То есть ты и правда веришь, что Джек был на самом деле? — спросил он. — И что мы запросто можем его встретить, если прогуляемся ночью по Уэлихолну? Хотя бы даже сегодня?

— Сегодня — нет. Сегодня же еще не Хэллоуин.

— И что с того?

— А то, что только в Хэллоуин Джек будет выглядеть настоящим — с башкой-фонарем. А сегодня, если ты его встретишь, то просто скажешь: «Здравствуйте, мистер Мэйби. Как ваши дела? Нет ли для нас какой-нибудь почты?»

— Ха-ха-ха! А ведь у нашего почтальона и вправду фамилия Мэйби! Только зовут его вовсе не Джек, а Питер.

— Да какая разница! — дернул головой Чарли. — Это я так, для примера. Наш мистер Мэйби все равно не мог бы быть Джеком — он скучный.

— Это точно.

Пруд давно остался позади, мальчишки углубились в нехоженую часть парка, которая плавно перешла в лес, — здесь, почти на окраине города, деревья росли так, как хотели, из земли торчали кривые узловатые корни, дорожек не было и в помине. Никому и в голову не пришло бы здесь подметать, даже мисс Брум.

Это было тихое уединенное место, и именно тут находилась та самая, общая на двоих тайна Томми и Чарли, которую они никому бы не выдали даже под страхом смерти, что с мальчишеского языка переводилось как «под страхом быть запертыми у себя в комнате до конца своих дней».

На дне темной лощины, в тени огромного древнего вяза, стояла почти полностью развалившаяся хижина. Прежние очертания строе-ния едва угадывались: вероятно, когда-то здесь случился пожар, и теперь на дне лощины лишь гнили старые бревна и осыпались трухлявые стены. Но кое-что все-таки уцелело...

Томми и Чарли набрали на хижину случайно. Как-то они играли в «следопытов и людоедов», и в какой-то момент Чарли-следопыт, убежавший от Томми-людоеда, споткнулся, зацепившись за корень, и покатился в лощину. Его падение остановила кирпичная кладка старой печи...

Мальчишки не знали, кому принадлежала хижина, — скорее всего, леснику. Но друзья после бурного обсуждения договорились считать, что на самом-то деле здесь квартировала банда лесных разбойников, державшая награбленное под землей. Как бы там ни было, все свои сокровища лесники-разбойники за сотни лет, что здесь стояла хижина, успели вывезти, не оставив обнаружившим ее мальчишкам ни единого медного фартинга. Но зато у Томми с Чарли появилось место, куда можно было прийти и кое-что спрятать, да так, чтобы никто не нашел.

Мальчишки зашли в покосившийся дверной проем; их шаги спугнули парочку тут же разразившихся карканьем и поспешивших убраться подальше ворон. Томми расчистил от дерна и земли участок пола в одном из углов хижины, а затем приподнял ржавую железную крышку. Снизу сразу же раздалось дружное мяуканье.

— Оголодали совсем.

Томми достал из тайничка небольшой свечной фонарь и быстро зажег его.

Пока Чарли удерживал Утопленника, явно заинтересовавшегося раздающимися снизу звуками, Томми осветил в люк и начал осторожно спускаться, держась за вбитые в каменную кладку железные скобы, от которых на руках и одежде оставались грязные ржавые следы.

Оказавшись в погребе, Томми поднял фонарь повыше. Здесь было темно, сыро, а еще очень сильно воняло недельной кошачьей запертостью. У дальней от лестницы стены в три яруса стояли большие деревянные ящики с пробитыми в стенках дырками — для воздуха. В двенадцати из них уже разместились жильцы — черные, как смоль, коты, которые, завидев мальчика, принялись громко мяукать, требуя поесть.

— Сейчас, мои хорошие, сейчас, подождите чуть-чуть, — попытался успокоить их Томми, но голодный кошачий ор лишь усилился — бедолаги не ели со вчерашнего вечера.

— Чарли, давай сюда свою сумку!

Когда сумка оказалась внизу, Томми открыл ее и на глазах у взбужденных котов достал связку копченых колбасок. Следом показались

здоровенная бутылка с молоком, сосиски, немного вяленой рыбы и хлеб. Сняв со спины портфель, мальчик вытащил из него еще и свой собственный школьный завтрак — прожаренный кусок бекона и сэндвич с сыром. Недолго думая, Томми принялся раскладывать еду и разливать молоко по заготовленным мискам.

— Ничего-ничего, потерпите еще немного, — приговаривал он. — Скоро уже Хэллоуин. Вот только он пройдет, и мы вас всех выпустим. Это для вашего же блага...

Все сидящие в ящиках коты, как уже говорилось, были черного цвета — ни единой белой полоски или пятнышка. Именно таким котам в Уэлихолне незадолго перед кануном Дня Всех Святых грозила настоящая опасность: кто-то их отлавливал, а затем, по слухам, через несколько дней их тушки находили валяющимися на перекрестках города. С некоторых пор Томми и Чарли задались целью остановить подобное безобразие. В преддверии праздника уже два года кряду они сами устраивали облавы на черных котов и всех, кого им удавалось изловить, тащили сюда, в этот самый погреб, чтобы сбросить их черные мохнатые души от этой печальной участи.

— Чарли, давай сюда Утопленника! — крикнул кошачий повар. — Ты его уже покормил?

— Нет, он же царапается, а еще сбежать норовит, только слабину дай.

— Ладно, я ему тут оставлю. Спускай осторожно.

— Ага. Только сумку мне брось, а то как бы не вырвался — шустрый, пройдоха...

Томми швырнул Чарли опустевшую сумку. Сверху послышалась характерная возня, после чего яростно орущая сумка с котом внутри была торжественно спущена вниз, прямо в руки поджидавшего Томми. Очередной постоялец отправился в подготовленный для него ящик, в котором его уже ждал роскошный обед из сосиски, куска рыбы и блюда с молоком.

«Утопленник» — наскоро накорябал Томми на ящике мелком и пририсовал рядом цифру: «13».

— Чертова черная дюжина, — сообщил он наверх и стал выбираться.

Коты начали царапать свои ящики, и этот звук вдруг напомнил Томми о метле, шаркающей по земле в парке. Мысли его вернулись к чудаковатой мисс Брум и ее словам.

День, полный странностей... Люди, странно себя ведущие...

В душе у Томаса Кэндла поселилось такое же, как и весь день, *странное* чувство: ожидание чего-то. Чего-то очень нехорошего.

Виктор писал уже полчаса. На страницы его тетради из головы перекочевывали не только подозрения по поводу неведомого голоса, но и мысли касательно перемен в Кристине, в матери, в доме.

Что-то здесь творилось. Что-то неладное. Он пока не понимал, что именно, но в той напускной сонливости, в которую был закутан Крик-Холл, ясно ощущалась угроза. Еще и странный голос не давал покоя...

Виктор мучительно пытался не ломать голову, изобретая объяснения произошедшему, пока все не запишет. И тут, когда перо чернильной ручки вывело «...уж не связан ли шепот из пустой комнаты с таинственной Бетти Сайзмор?», до Виктора донеслись крики.

Кричала женщина. На два голоса. Или, что вероятнее, кричали две женщины. У одной голос был густым, как звук виолончели, у другой — высоким и истеричным, как надорванная скрипка. На первом этаже явно кто-то ссорился. Сосредоточиться в такой обстановке было попросту невозможно...

Виктор отложил тетрадь и ручку, вышел из комнаты и зашагал к лестнице. Он понимал, что вступать в чью-то склоку — не лучшая идея, да и вообще это не слишком удачный момент для появления, но все же надеялся, что, если они там ссорятся друг с другом, их гнев и раздражение минуют его, ну, или заденут лишь краешком...

Как и в детстве, он медленно и осторожно спускался по этим деревянным ступеням, касаясь левой рукой резных перил и пытаясь услышать, не ходит ли там где-то мама.

Голоса из гостиной становились все громче и отчетливей, и в какой-то момент идти туда уже совершенно расхотелось. Виктор подумал, что, быть может, стоит все-таки вернуться в комнату, закрыть дверь

и повернуть ключ. И не выходить. Никогда не спускаться к обеду. Остаться там навсегда...

Но нет. Что-то все же тянуло его вниз. Это «что-то», помимо любопытства, было пониманием: он приехал сюда вовсе не для того, чтобы ото всех прятаться.

На выступе перил сидел кот. По мнению Виктора, ничего не видя (а глаза кота по-прежнему скрывались под повязкой), сидеть так высоко было довольно опасно, но кота это, похоже, не слишком заботило.

— Осторожнее, Конни, — шепнул Виктор.

Кот презрительно повернул к нему голову: мол, занимайся своими делами. И еще: «Для тебя я не Конни. А мистер Коннелли».

— Ну и ладно... — то ли коту, то ли самому себе сказал Виктор и продолжил спуск.

Стоило ему сойти с последней ступеньки, как его тут же посетила тревожная и действительно пугающая мысль: «Началась война».

Из гостиной на паркет перед лестницей лился рыжий свет — там ярко горел камин, и в его отсветах панели вишневого дерева, ступени и пара огромных резных буфетов словно пылали. Треск огня смешивался с мрачностью и зловеществом симфонического оркестра, играющего из старенького бабушкиного радиоприемника. Тот, к слову, едва ли не надрывался, но никто и не думал о том, чтобы немного приглушить звук.

Гостиная была охвачена... бурей эмоций. По ней метались два вихря: вихрь в сиреновом и вихрь в алом.

— И как ты только додумалась это сделать?! — кричала женщина в длинном алом платье.

Это была тетушка Мегана, старшая сестра матери Виктора. Ее боялись все представители мужской части семьи Кэндл, а особенно — ее супруг, несчастный дядюшка Джозеф. Тетушка Мегана была городской светской львицей — или, вернее, таковой себя считала. Дни напролет она занималась тем, что разъезжала по городу на таксомоторе мистера Эндрю, который получал двадцать фунтов в неделю и был несказанно счастлив возить такую великолепную видную даму. Мегана заезжала в ресторан, навела суматоху в единственном

в городе книжном клубе, заглядывала в ратушу, где часок или около того сводила с ума господина мэра, скандалила в попечительском совете школы имени Губерта Мола, а потом вторгалась в церковь, где пыталась «вывести на чистую воду» местного пастора.

Тетушка была очень занятой особой и ненавидела все семейное: готовку еды, уборку, вязание, шитье и ухаживание за домашними животными — такими как кошки, собаки, канарейки, крысы и дети. Но при этом она, как бы странно это ни звучало, просто обожала «быть миссис Кэндл». Она гордилась своей родовой фамилией и изо всех сил напоминала окружающим, кто она, отчего все в городе считали Кэндлов поголовно заносчивыми, высокомерными ханжами, с которыми дел лучше не иметь.

— А что такого?! Хлам и есть хлам! — кричала женщина в вязаном сиреневом платье.

Это была тетушка Рэммора, младшая сестра матери Виктора. Злобная, завистливая, мелочная, подлая, мстительная, невероятно склочная и ненавидящая всех кругом. Она была так худа, что казалось, будто все ее тело состояло из одной лишь ядовитой змеиной железы. Хотя Рэммора почти постоянно и пребывала в доме (если только не строила козни где-то еще), из-за своего характера и неуживчивости она была вынуждена обретаться в небольшом пристроенном к особняку флигеле с отдельным входом. К слову, свою бывшую спальню в доме, откуда ее со скандалом выселили, она лично наполнила коллекцией мерзких жаб, чтобы никто не вздумал там поселиться после нее. В этом была вся Рэммора.

— Это не хлам! Это антиквариат, пришибленная ты истеричка! — тетушка Мегана нависала над сестрой и, казалось, вот-вот набросится на нее.

— Неужели? — скривила злобную усмешку тетушка Рэммора и потрясла головой. Самой яркой отличительной особенностью ее внешности всегда были странные и дикие прически, в которые тетушка вплетала различный хлам. К примеру, сейчас в ее черных блестящих волосах виднелись часы на цепочке с разбитым стеклышком, чей-то монокль, птичьи перья, вязальная спица и несколько катушек ниток.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

